

О концепции инновационного развития Вооруженных Сил

*Генерал-майор в отставке И.Н. ВОРОБЬЕВ,
доктор военных наук*

*Полковник В.А. КИСЕЛЕВ,
доктор военных наук*

В ПОСЛЕДНЕЕ время в военный лексикон вошел термин «инновация». Впервые его применил Президент РФ в выступлении на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 года, где речь шла о стратегии инновационного развития страны, в том числе о необходимости создания «инновационной армии», в которой к профессионализму, техническому кругозору и компетентности военных предъявляются требования принципиально иного, самого современного уровня.

На страницах военной печати, естественно, появились комментарии по этому поводу¹. Инновация истолковывается в них как обновление на более высоком технологическом уровне. Что касается термина «инновационная армия», то введение его в оборот встречено с некоторой настороженностью: дескать, не решены многие текущие проблемы строительства Вооруженных Сил, а тут вдруг их обновление. Сомнение в принципе резонное. И все же нельзя не согласиться с тем, что для развития военного дела необходимо уметь заглядывать далеко вперед.

Научно-технический прогресс, особенно в военной сфере, набирает все новые обороты. В России, по мнению руководства государства, должно быть развернуто производство новых видов вооружения, не уступающих по своим качественным характеристикам образцам, имеющимся в распоряжении других государств. Использование новейших технологий потребует и переосмысления стратегии строительства Вооруженных Сил. Ведь передовые научные разработки в области био-, нано- и информационных технологий могут привести к революционным изменениям в области вооружения. И доверить вопросы размещения, обслуживания, использования оружия нового поколения можно только армии, отвечающей самым современным требованиям.

Как видим, **перед российским обществом выдвинута концепция инновационного развития Вооруженных Сил** — основываясь на передовых научно-технических достижениях, находить более эффективную стратегию военного строительства, перевооружения армии, подъема на новый уровень отечественной военной науки, с тем чтобы обеспечить паритет в военном отношении, в средствах вооруженной борьбы нашего государства с ведущими государствами мира. При этом военный потенциал страны должен гарантировать нашу безопасность.

Стратегия инновационного поиска в оборонной области родилась не теперь, она имеет в нашей стране немалую историю. Тут были свои достижения, но допускались и просчеты. Возьмем советский период. Научные прорывы, достигнутые в 50—80-х годах прошлого столетия в СССР и ведущих государствах мира, прежде всего в США, в области ядерной физики, оптики, физики твердого тела, радиофизики, газодинамики, теплофизики, космической, электронной и лазерной техники, химии, математики, кибернетики и других научных отраслях, привели к подлинному перевороту во взглядах на войну и способы ее ведения.

¹ Независимое военное обозрение. 2008. 15—21 февраля и др.

В Советском Союзе внедрение радикальных научно-технических достижений в военное дело было расценено как революционный скачок в развитии Вооруженных Сил. В соответствии с этим были определены новые направления их строительства. Это прежде всего создание и развитие ядерных вооружений, развитие ракетостроения и массовое внедрение ракетного оружия во все виды Вооруженных Сил. Одновременно был взят курс на модернизацию и совершенствование так называемых классических вооружений, интенсивное развитие военной радиоэлектроники, автоматизированных систем управления войсками (силами). Революционным достижением явился прорыв в космос, создание средств космического базирования, разработка спутниковых систем общей и детальной разведки, связи, навигации, развертывание орбитальных элементов системы предупреждения о ракетном нападении, создание первых противокосмических комплексов.

В результате всего этого *закладывалась материальная база для разработки и реализации новой теории войны*. Этому способствовала сложившаяся в 70—80-х годах прошлого столетия довольно стройная система оперативно-стратегических учений с охватом всех театров военных действий. Так, только в период с 1971 по 1980 год было проведено девять учений на западе страны, семь учений на востоке, два учения на юге, четыре оперативно-стратегических учения войск ПВО, три оперативно-стратегических учения ВВС, два стратегических учения ВМФ. Особое внимание в этот период обращалось на исследование проблем руководства военными действиями, организации и ведения стратегической разведки, радиоэлектронной борьбы, стратегической маскировки. С подобной целью были проведены учения в масштабе Вооруженных Сил: «Горизонт-74», «Эфир-74», «Электрон-75», «Импульс-76», «Квант-76» и др.²

Проведение крупных оперативно-стратегических учений дало большой импульс для развития военной теории. В 50—80-х годах прошлого столетия практически полностью были пересмотрены принципы военного искусства и выработаны новые взгляды на характер войны. Весь спектр новых стратегических проблем нашел отражение в трудах «Характер современной войны и ее проблемы» (1953), «Современная война и военная наука» (1960), «Военная стратегия» (1961), «Начальный период войны» (1964), «Общие проблемы советской военной стратегии» (1969), «Стратегическая операция на театре военных действий» (1966), «Война и военное искусство» (1972), «Локальная война» (1978), «Война и армия» (1977).

Вместе с тем существенным недостатком явилось то, что *научные разработки не были нацелены должным образом на исследование характера войн новой эпохи* — эпохи информатики, космоса, электроники, робототехники, искусственного интеллекта. И тот прорыв в военном искусстве, который был обозначен в начале 90-х годов применением новой формы проведения относительно кратковременной воздушно-наземно-космической операции с массовым использованием высокоточного оружия (ВТО) в зоне Персидского залива, оказался практически непрогнозируемым для отечественной военной теории.

Концепция инновационного развития Вооруженных Сил как раз и направлена на то, чтобы не допустить впредь подобных просчетов. **Речь должна идти о формировании инновационной военной науки**, т. е. такой науки, которая, используя накопленный опыт, отрешилась бы от классических догм и канонов и была устремлена на исследование войн будущего. Жизнь, практика военного строительства настоятельно требуют от инновационной военной науки, чтобы она выдавала достаточно точные и обоснованные прогнозы вперед на 15—20 лет и более, отвечала на вопросы, какими могут быть в технологическом отношении вооружен-

² История военной стратегии России. М.: Кучково поле, 2000. С. 408.

ная борьба, операция, бой, как изменится содержание военно-политического, военно-экономического и военно-технического факторов и каково будет их влияние на характер военных действий. Теперь, когда радикально меняются средства вооруженной борьбы, раскрыть характер будущей войны можно только на основе применения новейших методов военно-научного прогнозирования, которые интегрировали бы достижения военной теории, философии, социологии, эвристики, кибернетики, военно-инженерной психологии и логики.

В наступившем XXI веке борьба за новые технологии вступает в новую фазу. В США, например, работают над созданием вооружений на основе нанотехнологий. Считается, что их использование может оказать существенное влияние на характер вооруженной борьбы. Так называемая наноука провозглашена в США одним из шести главных стратегических направлений обороны. Там полагают, что «военные приложения молекулярного производства несут в себе даже больший, нежели ядерное оружие, потенциал для радикальных перемен в имеющемся балансе сил»³.

Набирают темпы исследования, связанные с массовым внедрением в войска роботизированного оружия. В экспериментальном порядке в некоторых зарубежных армиях создаются роботизированные подразделения, оснащенные боевыми машинами-роботами: роботами-разведчиками, роботами-дозорными, роботами — разведчиками средств РЭБ, роботизированными ЗРК, роботами для обеспечения боевых действий и др. В стадии проектирования находятся роботы-«рейнджеры», которые способны «видеть» и «запоминать» собственную траекторию движения и следовать по незнакомой местности, обходя препятствия. Ожидается, что при дальнейшем совершенствовании робот сможет постоянно наблюдать за действиями противника, вступать в бой как танк-автомат, вооруженный точнейшими орудиями с лазерной наводкой.

О потенциальных возможностях военной робототехники можно судить на основе анализа принятой в США «Концепции роботизации до 2015 года». Согласно этой концепции предусматривается создание и совершенствование безэкипажных бронесредств для ведения разведки на переднем крае; роботизированных наземных средств для наблюдения и целеуказания; роботов-разведчиков; дистанционно пилотируемых летательных аппаратов для наблюдения и целеуказания; беспилотных летательных аппаратов для обнаружения минных полей; роботов-минеров; роботизированных наземных средств постановки дымовых завес и проделывания проходов в минных полях; роботов — разведчиков водных преград; летающих роботизированных платформ; вспомогательных средств постановки заграждений; роботизированных систем дегазации, дезактивации и дезинфекции боевой техники; роботов — погрузчиков ядерных боеприпасов, ракет в вертолеты, боеприпасов в танк.

Создание «мыслящих», «видящих», «слышащих» роботов будет означать новый крупный шаг в интеллектуализации способов боевых действий, создание безлюдного «автоматизированного поля боя».

Особые надежды в зарубежных армиях возлагаются на разработку оружия на новых физических принципах, которое называют «абсолютным» оружием. Продолжаются начатые еще в начале 60-х годов прошлого столетия исследования в области создания боевых лазеров. Лазерное оружие оценивается экспертами как одно из эффективных средств в решении противоракетных и противоспутниковых задач, поскольку оно может быстро (со скоростью света) поражать цели на дальностях от одного до нескольких тысяч километров, обладает высокой точностью и способностью к мгновенному перенацеливанию, а также может использоваться для подавления оптико-электронных средств противника.

³ Независимое военное обозрение. 2008. 27 июня—3 июля.

Хотя до создания эффективных боевых лазеров и нанороботов еще далеко, но военная наука уже теперь должна устремлять свой взор к тому, что может привнести технологическая революция в облик вооруженной борьбы, операции, боя будущего.

Предсказательная функция инновационной военной науки основывается на выявлении закономерностей и тенденций вооруженной борьбы на новом этапе ее развития. Одна из таких закономерностей состоит в том, что обновление материально-технической основы войск происходит сейчас не последовательно и постепенно, как в прошлом, а одновременно и интенсивно во всех войсковых звеньях. Продолжается перенос центра тяжести вооруженной борьбы в воздушно-космическую сферу. На этой основе формируются стратегические, оперативные и тактические принципы, концепции и методы боевого применения качественно новых ударных аэрокосмических и других суперсовременных сил и средств борьбы.

Основываясь на анализе структурных изменений в материально-технической базе вооруженной борьбы, можно прогнозировать, как и в каком направлении в ближайшей перспективе (10—15 лет) будут совершенствоваться формы и способы оперативно-стратегических и тактических действий, предвидеть появление новых нетрадиционных видов операций.

Эра новейших технологий в области вооруженной борьбы имеет свои закономерности, которые все более вступают в противоречие с канонами, выработанными в военном искусстве в ходе двух мировых войн. Это касается в первую очередь категорий позиционного противоборства. Фронтальная стратегия лобовых ударов уступает свое место стратегии непрямых действий, обретающей новую организационную и технологическую базу; линейные действия — всеохватывающему маневру, совершению глубоких воздушно-наземных охватов аэромобильными силами, нанесению противнику комбинированных ударов одновременно из космоса, с воздуха, земли и моря; медлительность и методизм «прогрызания» обороны — высокомобильным боевым действиям, развивающимся в высоком темпе, без наличия сплошных фронтов, с созданием в тылу противника постоянно действующего активного фронта борьбы в целях парализации маневра его резервов и вторых эшелонов, с доминированием «неконтактных», дистанционных действий над ближним боем; традиционные операции в виде прорыва сплошной позиционной обороны противника с созданием плотных пехотно-танковых ударных группировок на узких участках фронта уступают свое место применению многообразных форм и способов военных действий (в том числе полицентрическим, сегментированным, противоспутниковым, противоракетным операциям).

Прогнозируя развитие способов наступательных действий с применением перспективных космических ударных средств, оружия, созданного на основе нанотехнологий и новых физических принципов, можно ожидать, что эти действия приобретут форму **многомерной, объемной наземно-воздушно-космической операции**. В армии США подобная форма наступления именуется «глобальное боевое воздействие (глобальный охват)». Эта концепция была впервые отражена в документе КНШ ОВС США «Взгляд на ВВС XXI века»⁴.

Наступательная инновационная стратегия глобального воздействия преследует цель силового прорыва любой обороны с нанесением комбинированных ударов баллистическими, крылатыми ракетами, ударными беспилотными летательными аппаратами большой дальности. Главным способом сокрушения противника считается стратегический удар. Его значимость в достижении цели в вооруженной борьбе все бо-

⁴ Круглов В.В., Павлушенко М.И., Ромашов О.В. Современное высокоточное оружие зарубежных государств и основные его применения. М.: ВА РВСН им. Петра Великого, 2008.

лее возрастает. Если во время войны во Вьетнаме применялся термин «нарастающий удар», в войнах против Югославии, Ирака, Афганистана — «мгновенный удар», то в последних документах Пентагона он все чаще именуется как «глобальный удар». Это отражает тенденцию расширения сферы вооруженной борьбы, распространения ее и на космическое пространство.

Отчетливо проявляющаяся в настоящий период тенденция опережающего развития ударных средств по отношению к средствам защиты выдвигает на первый план проблему борьбы с ВТО противника. Требуется разработка способов поражения ВТО с помощью лучевого и лазерного оружия, изыскание путей повышения скрытности объектов, снижения теплового и фоновых их излучений, повышения эффективности радиолокационной и оптической маскировки, использование приемов введения противника в заблуждение посредством создания ложных целей, целей-ловушек.

Появилось понятие «сетцентристская война». Считается, что успех современных операций будет зависеть в первую очередь от объединения всех участников боевых действий в рамках единого информационного пространства. Военно-политическим руководством США реализуется программа преобразования вооруженных сил индустриального века в вооруженные силы информационного века с учетом тех фундаментальных технических сдвигов, которые произошли в области информационных технологий, способов добывания разведывательной информации, в системах автоматизированного управления, в разработке и производстве ВТО. Запланировано к 2025 году перейти от видовой структуры ВС к единой универсальной многоцелевой военной организации, созданию информационно-ударной платформы глобального уровня, состоящей из трех элементов — разведывательно-добывающего, информационно-управляющего и исполнительного⁵.

С учетом этого в США целенаправленно ведутся разработки военно-стратегических концепций, суть которых состоит в том, чтобы использовать свое технологическое превосходство (как это имело место в войнах против Югославии, Ирака и Афганистана) и в последующих возможных войнах против любого эвентуального противника. Концептуальный порядок ведения боевых действий в технологичной войне отрабатывается в ходе различных исследовательских учений НАТО. Он изложен в руководящих документах ВС США «Основные боевые операции», «Операции по стабилизации обстановки», «Внутренняя безопасность», «Стратегическое сдерживание».

Технологическое превосходство проявляется в возможности нанесения «обезоруживающего удара» по противнику путем массированного ввода в сражение новых видов оружия, ранее ему неизвестных. Можно ожидать, что в перспективе применение принципиально нового оружия многократно усилит ошеломляющее воздействие фактора внезапности.

Появление оружия, основанного на био-, нано-, информационных технологиях, несомненно, повлияет на *содержание принципа сосредоточения усилий*. Вероятнее всего, сосредоточение усилий будет достигаться главным образом путем создания на важнейшем направлении зон энергетического поражения, первоочередного вывода из строя ядерных объектов, разведывательно-ударных комплексов, применяющих ВТО, радиоэлектронных систем, пунктов управления соединений, ракетных войск и артиллерии ПВО и авиации.

Требуется новый подход и к обеспечению *живучести и защиты войск*. Обусловлено это тем, что ярко выраженной тенденцией военных

⁵ Круглов В.В., Павлушенко М.И., Ромашов О.В. Современное высокоточное оружие зарубежных государств и основы его применения. С. 225.

действий становится повышение уязвимости личного состава и боевой техники от новых видов поражения — радиоэлектронного, лучевого, информационного, психологического и др. Судя по публикациям в зарубежной печати, кроме широко известных и апробированных на практике средств радиоэлектронного поражения ныне в стадии научных и опытно-конструкторских разработок находится энергоинформационное соматронно-психологическое оружие; в виде возможной перспективы рассматривается психотронно-информационное, био-энергоинформационное, информационно-генетическое и виртуально информационно-психологическое оружие. Особенно эффективным считается энергоинформационное психологическое оружие, которое позволяет генерировать и направленно излучать модулированные СВЧ и ультразвуковые волны, что может вызывать нарушение деятельности нервной системы человека⁶.

Сочетание огневого, радиоэлектронного, энергетического воздействия, в том числе с применением оружия, основанного на нанотехнологиях, соматронно-психоинформационного оружия, расширит арсенал оперативно-стратегических способов достижения целей в войне. По мнению некоторых исследователей, создаются условия для зарождения новой формы вооруженной борьбы — *информационно-ударной операции*, представляющей собой совокупность взаимосвязанных и согласованных по цели, задачам, месту и времени и способам ведения информационно-огневых сражений, боев и информационных ударов, осуществляемых с целью дезорганизации системы управления войсками и оружием противника, нанесения поражения его информационным ресурсам и защиты своих систем управления⁷. Такая операция отличается от общевойсковой тем, что она не имеет пространственных ограничений, характеризуется большим разнообразием форм и способов, непрерывностью и может скрытно вестись в мирное время. В зарубежных армиях, исходя из стратегии не прямых действий, изыскиваются все более изощренные приемы дезинформации и обмана противника.

Показателем высокой технологичности военных действий является их *мобильность*. В последних локальных войнах она проявилась в создании в короткие сроки стратегических группировок на удаленных театрах военных действий путем переброски на тысячекилометровые расстояния войск и вооружений по воздуху и морем; в возможности создавать превосходство на земле, в воздухе и космосе; контролировать действия противника в этих сферах, диктовать ему свою волю. В перспективе прогнозируется интеграция всех наземных, морских, пилотных, беспилотных и космических систем в единую многоцелевую военную структуру глобального уровня, способную быстро реагировать на возникающие кризисные ситуации в любых регионах мира.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что концепция инновационного развития Вооруженных Сил ориентирует на активизацию военно-научной мысли в поисках упреждающей стратегии военного строительства, более эффективных форм и способов боевых действий с учетом накопленного отечественного опыта и опыта зарубежных армий.

⁶ Информационно-психологическое оружие. М.: Военная академия РВСН им. Петра Великого. 1998. С. 44.

⁷ Операция XXI века. М.: Общевойсковая академия ВС РФ, 2007. С. 120.